

Потапенко Игнатий Николаевич

Два счастья

Роман в 3 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
Два счастья: Роман в 3 частях / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 550 с.

ISBN 978-5-519-79265-3

ISBN 978-5-519-79265-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Не забылъ, а просто не зналъ; я не слѣжу за календаремъ...

— Надо слѣдить, потому что добрыхъ друзей можно обидѣть...

— Кого же это?

— Бѣртышеву, Вѣру Петровну, забылъ.

— Въ самомъ дѣлѣ... Да вѣдь это даль какая! мои сапоги не выдержатъ такого путешествія. Вѣдь это около горнаго института.

— Пустое, на конкѣ доѣдемъ... Вижу, вижу, печальный духъ или паръ—это одно и то же,—что у тебя и на конку денегъ нѣтъ... Если бы я писалъ романъ, то въ этомъ мѣстѣ прибавилъ бы: „при этихъ словахъ молодой человѣкъ смутился и покраснѣлъ: у него не было денегъ на конку!“ и далѣе: „вы, вѣроятно, забыли дома вашъ кошелекъ? Осторожно спросилъ его собесѣдникъ въ синемъ пальто на барашковой подкладкѣ“. Ну, однимъ словомъ, я могу угостить тебя конкой. Скажу болѣе: мы сейчасъ зайдемъ въ знаменитую кондитерскую Кузнецова, гдѣ дѣлаютъ конфекты изъ картофельной муки и патоки, и купимъ полфунта таковыхъ за пятьдесятъ копѣекъ и поднесемъ Вѣрѣ Петровнѣ, промолвивъ при этомъ: это отъ насъ двоихъ!

— А какъ же комната? Меня сегодня гонять во что бы то ни стало.

— Но самъ посуди, какъ тебя могутъ выгнать, если самого тебя не будетъ дома? Лучшій способъ не быть выгнаннымъ откуда-нибудь, это—отсутствовать... Вотъ тебѣ и афоризмъ. Если бы моя фамилія была не Скорбянскій, а Шопенгауеръ, то это непременно было бы переведено съ нѣмецкаго на русскій и издано въ свѣтъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Вѣру Петровну мы должны поздравить, она вѣдь прекрасный человѣкъ, а прекрасныхъ людей на свѣтѣ мало... У меня, положимъ, у самого есть дочка имянинница, но у меня такое множество

дочерей, что чуть не каждый день которой-нибудь или рожденье, или именины, такъ это уже, такъ сказать вошло въ привычку и сердца моего не радуешь... Словомъ, ѣдемъ!

— Да, пожалуй, поѣдемъ!

Они уже шли по Невскому, направляясь въ кондитерскую, потомъ повернули направо, захватили полфунта конфектъ и возвратились къ Невскому, чтобы сѣсть на конку. Погода была отвратительная; съ утра лилъ дождь. Молодой человѣкъ съ пелеринкой раскрылъ свой зонтикъ и несъ его надъ головой своей и своего спутника. Они сѣли въ конку.

Путешествіе было очень продолжительное. Надо было доѣхать до Адмиралтейства, сѣсть въ другой экипажъ, переѣхать черезъ Неву, тащиться изрядный конецъ по набережной, потомъ еще идти пѣшкомъ.

Было около часу, когда они, не доходя шаговъ на двѣсти отъ горнаго института, повернули съ набережной направо, потомъ въ переулочъ, вошли во дворъ и поднялись по темной лѣстницѣ, сосредоточившей въ себѣ всѣ дурные запахи, какіе бываютъ на лѣстницахъ,—въ третій этажъ. За дверью былъ слышенъ говоръ и крикъ ребенка. Они позвонили.

— Дома?—спросилъ Скорбянскій, но затѣмъ самъ тотчасъ же отвѣтилъ:—ну, еще бы въ такую погоду быть внѣ дома! Это только мы съ Вольтовымъ способны на такой подвигъ.

И не дожидаясь отвѣта онъ вошелъ, а за нимъ и его спутникъ. Въ передней было совсѣмъ темно, но кухарка отворила дверь въ комнату и оттуда пахнуло свѣтомъ.

Въ квартирѣ было просто и на всемъ лежалъ отпечатокъ аккуратности и чистоты. Мебель была только самая необходимая. Но недостатки возмѣ-

щались обиліемъ свѣта и воздуха. Большая комната съ тремя окнами выходила на обширный дворъ, заросшій травой и походившій на поле. Она смотрѣла скорѣе мастерской художника, чѣмъ жилой комнатою. Всюду у стѣнъ стояли досечки съ этюдами; на окнахъ были навалены папки и альбомы; на стѣнахъ были прибиты куски холста безъ рамъ. Посрединѣ комнаты стоялъ мольбертъ, рядомъ съ нимъ табуретъ съ палитрой и кистями.

— Вотъ кто?—съ удивленіемъ воскликнулъ Бертышевъ, увидѣвъ сперва болѣе замѣтную фигуру въ пелеринкѣ, а затѣмъ и Скорбянскаго.—Но любопытно, что соединило два столь различныя существа?

— Что соединило?—промолвилъ Скорбянскій:—любовь. Любовь къ сему дому,—и онъ началъ разоблачаться.—А ты, кажется, и самъ не знаешь, что твоя жена сегодня именинница! Ну, здравствуй!—прибавилъ онъ, войдя въ комнату и цѣлуясь съ хозяиномъ.—А Вольтова я встрѣтилъ на Знаменской въ безплодныхъ поискахъ такой квартиры, за которую можно было бы не платить и его не гнали бы.

Вольтовъ только пожалъ руку хозяина. Онъ, очевидно, былъ не такъ близокъ въ этомъ домѣ, какъ Скорбянскій.

— Но гдѣ же царица бала?—воскликнулъ Скорбянскій и, смѣло отворивъ дверь въ другую комнату, вошелъ туда, какъ человѣкъ, принятый здѣсь запросто.

Оттуда послышалось „а!“ а затѣмъ успокоительный голосъ Скорбянскаго:—э, ничего! мы люди свои! выходите въ капотѣ.

И черезъ минуту Скорбянскій вышелъ въ мастерскую подъ руку съ Вѣрой Петровной. Потомъ онъ комически-торжественными шагами отправился въ

переднюю и принесъ оттуда полуфунтовую коробку конфектъ.

— Это отъ двухъ нашихъ пламенныхъ сердецъ! Съ ангеломъ васъ, Вѣра Петровна! Вѣдь откуда притазились! Неужели вы этого не оцѣните и не дадите намъ по рюмкѣ водки? Ба, это что значить?— вдругъ воскликнулъ онъ, только теперь обративъ вниманіе на то, что Бертышевъ былъ въ черномъ сюртукѣ, который старался застегнуть на всѣ пуговицы.—Почему у тебя столь торжественный видъ? Кажется, у тебя нѣтъ начальства, которое ты обязанъ поздравлять!

— Ошибаетесь!—съ нескрываемой ироніей отвѣтила за него Вѣра Петровна:—У Владиміра есть начальство, да еще какое строгое!

— Я не поздравлять иду, Вѣра, ты это отлично знаешь!—очень серьезно возразилъ Бертышевъ.

— Но кстати и поздравить? Я, впрочемъ, тебя не держу! Вѣдь у меня гости, мнѣ не будетъ скучно.

— Да что такое? куда? Какое начальство? Какія перемѣны произошли въ вашей жизни? Вѣдь мнѣ ничего неизвѣстно!—спрашивалъ Скорбянскій.—Въ самомъ дѣлѣ, Вольдемаръ,—ты взялъ какую-нибудь службу?

— Никакой службы... Что за глупости! Неужели я способенъ взять службу?

— Не вѣрьте ему, онъ на службѣ, на самой строгой службѣ...—сказала Вѣра Петровна.

— Ничего не понимаю!

— Вѣра говоритъ глупости. Я просто взялъ работу. Пишу портретъ...

— Чей?

— Дочери Спонтанѣва.

— А! Вотъ такъ штука! Спонтанѣвъ! Милліонеръ, нашъ извѣстный меценатъ, Поликарпъ Спонтанѣвъ! Такъ это отлично! Можешь тысячи пол-

торы слупить! Съ этого народа надо драть! Надѣюсь, ты не продешевилъ?

— Я не условливался.

— Простофиля! Такъ они тебя накроютъ, непременно накроютъ.

— Какія глупости! При томъ же, согласишь, что я не имѣю права говорить о цѣнѣ. Я ничѣмъ еще не выдвинулся... А Спонтанѣевъ столько дѣлаетъ для искусства...

— Что? Для искусства? Что же это онъ дѣлаетъ для искусства? Покупаетъ картины на выставкѣ? Галлерею устраиваетъ? И ты полагаешь, что это для искусства? Ахъ, наивная душа!.. Я никакъ не ожидалъ отъ тебя этого...

— Ну, не будемъ спорить, Матвѣй; я знаю твои взгляды. Мы не сойдемся...

— По моему,—сказалъ Вольтовъ, до сихъ поръ стоявшій у окна и внимательно просматривавшій альбомы:—по моему, этотъ Спонтанѣевъ приноситъ искусству вредъ.

Бертышевъ оглянулся на него и ничего не возразилъ. Вольтовъ опять погрузился въ альбомы.

— Чортъ возьми, мнѣ это не нравится: мы пришли къ твоей женѣ на именины, а ты уходишь. Эка важность—портреты! Кажется, могъ бы посидѣть съ нами... Портретъ подождетъ!—говорилъ Скорбянскій.

— Но я вернусь черезъ два часа и застаю васъ: вѣдь вы у насъ обѣдаете, конечно?

— Положимъ, что такъ... Но все же...

Вѣра Петровна въ это время вышла и занялась приготовленіемъ закуски. Она никого не ждала сегодня; погода и разстояніе заставляли ее думать, что никому въ голову не придетъ тащиться такъ далеко. И тѣмъ больше она была тронута любезностью гостей.

Она промолвила изъ другой комнаты, звеня посудой:

— У него не жена только имянинница!..

— А кто же еще?

— А вы спросите его...

-- Спрашиваю тебя! — промолвилъ Скорбянскій, обращаясь къ Бертышеву.

— У меня никого больше нѣтъ!—отвѣтилъ хозяинъ.

— Вотъ и разбери ихъ! Э, господа, у васъ тутъ какая-то семейная моль завелась.

— Вотъ, вотъ, именно моль!—говорила хозяйка.—Разспросите-ка его хорошенько.

— Какіе, право, пустяки! — нѣсколько раздражаясь, сказалъ Бертышевъ.—Это просто совпаденіе, что Вѣра Поликарповна тоже сегодня имянинница; но я вовсе не собираюсь никого поздравлять,—я просто дѣлаю свою работу, вотъ и все.

— Однако ты сердилъ, это дурной признакъ!—отозвалась Вѣра Петровна.

— Эге! кто-то изъ васъ не правъ, господа... Ну, впрочемъ, послѣ разберемъ. А что? Водка серьезно будетъ?

— Идите сюда! здѣсь все готово! только пирогъ поснѣтъ минутъ черезъ десять!—пригласила Вѣра Петровна изъ сосѣдней комнаты.

— А, и пирогъ? И этотъ измѣнникъ хочетъ удрать отъ пирога? Но мы не пустимъ; не пустимъ тебя, Владиміръ Николаевичъ! большинствомъ голосовъ не пустимъ. Вольтовъ—да?

— Да!—сказалъ Вольтовъ разсѣянно.

— Вѣра Петровна—да?

— Да, да, конечно, да!

— Я не могу, господа; у меня краски высохнутъ...—возразилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Э, пустое! А ты ихъ промочи... Вотъ выпьемъ съ нами и такимъ образомъ промочишь.

— Я выпью, только пирога ждать не могу. У меня въ два часа назначенъ сеансъ.

Они перешли въ маленькую комнатку: гдѣ былъ накрытъ столъ. На столѣ была приготовлена уже водка и скромная закуска изъ селетки и колбасы; налили по рюмкѣ; Скорбянскій провозгласилъ здорье Вѣры Петровны. Выпили, стали закусывать.

— Тебя звалъ Спонтанѣвъ въ эту пятницу? — спросилъ Владиміръ Николаевичъ, обращаясь къ Скорбянскому.

— Посмѣлъ бы онъ меня не позвать! Вѣдь я талантъ, а онъ покровитель талантовъ; какъ же онъ смѣлъ не звать меня? — отвѣтилъ Скорбянскій.—А ты кланяйся ему и скажи, что я не приду.

— Почему же?

— А зачѣмъ я туда пойду? Что это за специально-талантливые вечера такіе? Вѣдь вотъ у него сегодня по случаю именинъ инфанты навѣрно будетъ большой балъ, а не позвалъ онъ ни меня, ни тебя, ни Вольтова, ни прочихъ талантовъ... А позвалъ насъ въ пятницу, когда у него прилично-одѣтыхъ господъ не будетъ. Значитъ, добрые знакомые—одно, а таланты—другое. Онъ покровительствуетъ... Очень мнѣ нужно его покровительство... Вотъ Вольтовъ тоже талантъ и большой талантъ, не намъ съ тобой чета,—онъ своего Еруслана когда напишетъ, такъ громъ пойдетъ не только по Россіи, а и по всей вселенной; а у него не только мастерской нѣтъ, а даже переночевать негдѣ. А Вольтову Спонтанѣвъ тоже покровительствуетъ, по пятницамъ зоветъ, поощряетъ. Вы, говоритъ, талантъ. Это у нихъ называется поощрить,—констатировать фактъ, что, молъ, талантъ. Чортъ бы побралъ ихъ, этихъ платоническихъ покровителей таланта! По моему, покровительствуешь, такъ помогай таланту развиваться. А то что? Онъ только себѣ имя дѣлаетъ этимъ покровительствомъ. Что онъ покупаетъ

картины на выставкѣ, такъ вѣдь эти картины и безъ него продали бы,—не онъ, такъ другой. Эка важность! И картины онъ покупаетъ изъ тщеславія. Не дѣлай онъ этого, никто бы о немъ не говорилъ, такъ онъ и погибъ бы въ безвѣстности съ своими милліонами!

— Ты рѣшительно не правъ, Матвѣй Ивановичъ. Къ сожалѣнію, мы некогда спорить съ тобой, я долженъ идти.

— Ты все-таки уходишь?

— Я не могу не пойти... Я тороплюсь окончить портретъ; потому что нужны деньги.

— Останься, Володя; ну, только сегодня останься!—попросила его Вѣра Петровна.

— Не могу, Вѣра. Я васъ застаю еще здѣсь, господи, не правда ли?

— Да ужъ на это смѣло можешь рассчитывать.

Владиміръ Николаевичъ торопливо началъ собираться, какъ будто боялся, чтобы его не задержали. Вѣра Петровна больше не сказала ему ни слова.

— Такъ кланяйся своему патрону и скажи, что талантливый беллетристъ Скорбянскій его покровительства не признаетъ и по пятницамъ украшать его салонъ не желаетъ. Такъ и скажи... Вѣдь не скажешь?

— Нѣтъ, не скажу, голубчикъ!—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ и ушелъ.

Вѣра Петровна печально посмотрѣла ему въ слѣдъ и затѣмъ вышла къ дѣтямъ, которыя требовали ее.

Бертышевы были однолѣтки,—обоимъ было лѣтъ по двадцати пяти; тѣмъ не менѣе, они уже около пяти лѣтъ были женаты и нажили двоихъ дѣтей. Женитьба Владиміра Николаевича почти совпала съ пріѣздомъ его въ Петербургъ. „Въ Петербургѣ я не пробовалъ быть холостымъ“, говорилъ онъ по этому поводу. Художественныя наклонности привлекли его сюда. Академія манила его изъ далекой провинціи, гдѣ онъ учился въ гимназіи, учился ско-

рѣе нетерпѣливо, чѣмъ усердно, такъ какъ его большіе успѣхи объяснялись не любовью къ наукамъ и ученію, а боязнью, какъ бы не засидѣться въ гимназій на лишній годъ и такимъ образомъ не отдалиться отъ академіи. И во время гимназическаго ученія онъ кое-какъ перебиваясь уроками, старательно занимался рисованіемъ.

Способности проявились у него въ дѣтствѣ и, что всего важнѣе, не получили уродливаго направленія. У него не было учителей, никто не направлялъ его руку, никто не заложилъ въ его душу основаній, которыя подчасъ пагубно вліяютъ на всю дальнѣйшую работу. Онъ какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что именно правдиво и что фальшиво, и не спѣша работалъ карандашемъ, не увлекаясь блестящей перспективой поскорѣе стать художникомъ, заслужить похвалы земляковъ. Въ немъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ на ряду съ способностями жило чувство мѣры. Когда онъ думалъ о краскахъ, ему казалось, что онъ „не смѣетъ“, что только академія можетъ допустить его къ этой высшей, по его мнѣнію, стадіи.

И вотъ съ аттестатомъ зрѣлости въ рукахъ, въ то время, какъ товарищи двинулись въ разные университеты, въ техническія заведенія онъ прибылъ прямо на Васильевскій островъ и поступилъ въ академію.

Вѣра Петровна раньше его кончила гимназію и раньше пріѣхала въ Петербургъ. Она была уроженка того же города и ихъ романъ начался чуть ли не въ дѣтствѣ. Но крайней мѣрѣ у обоихъ было такое сознаніе, что они всегда были близки. Никогда основаніемъ этого романа не была слишкомъ пылкая страсть. Они просто сжились другъ съ другомъ и не могли представить себя иначе какъ вмѣстѣ.

Она училась въ Петербургѣ на курсахъ; но когда пріѣхалъ Владиміръ Николаевичъ, уже не гимназистомъ, а свободнымъ студентомъ академіи, то

съ ихъ стороны было самымъ простымъ дѣломъ обвиняться; а тамъ пошли дѣти и курсы остались въ сторонѣ.

И вотъ уже около пяти лѣтъ они живутъ вмѣстѣ. Сперва они помѣстились въ меблированныхъ комнатахъ въ центрѣ города. Средства у нихъ были самыя ничтожныя. Отъ родныхъ они не получали ничего, такъ какъ тѣ были бѣдны. Вѣра Петровна до пріѣзда Владиміра зарабатывала средства уроками, но теперь дѣти уже не позволяли ей этого. А Владиміръ— безъ связей, безъ достаточныхъ знакомствъ, могъ зарабатывать лишь самыя ничтожныя средства. При томъ же, ему приходилось отвлекаться отъ своей дѣятельности и давать уроки гимназическаго курса.

Но они боролись храбро, не унывая. Внутренняя жизнь ихъ была тихая, спокойная, разумная; это была жизнь двухъ людей, хорошо знающихъ другъ друга, привыкшихъ не только уважать другъ въ другѣ достоинства, но и извинять слабости.

Черезъ два года Владиміръ Николаевичъ уже почувствовалъ, что академія не удовлетворяетъ его и задерживаетъ его художественное развитіе. Явились новыя знакомства, а вмѣстѣ съ ними новыя идеи; взгляды его расширились и все это повліяло на него самымъ рѣшительнымъ образомъ. Случайно видѣлъ его работы одинъ извѣстный художникъ и сильно ободрилъ его.

—У васъ талантъ не академическій!—сказалъ художникъ,—а живой, жизненный талантъ; вы взяли уже отъ школы все, что она могла вамъ дать; теперь вашей школой могутъ быть только великія художественныя созданія, которыя вы найдете въ музеяхъ цѣлаго свѣта и, главное, сама жизнь, сама жизнь.

Владиміръ Николаевичъ оставилъ академію и началъ работать самостоятельно. Въ это время, благо-